

The background of the cover features a man in a dark suit and red tie, looking intensely at the viewer, and a pregnant woman in a white lace dress, looking down at her belly. The lighting is dramatic, with red and white highlights.

Александра
Стрельцова

Предатель
(НЕ) ЕГО СЕМЬЯ

Александра Стрельцова

Предатель. (Не) его семья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69458083

SelfPub; 2023

Аннотация

Ждала возвращения любимого мужчины из командировки, но случайно столкнулась с ним там, где его быть не должно! Маленькая девочка назвала моего будущего мужа – папой! С того дня, вся моя жизнь перевернулась с ног на голову, принося море боли, обиды и страха! Правда свалилась на меня снежным комом, замораживая душу! Любимый мужчина оказался женатым, а его мать настоящим исчадием ада! Где искать защиты? Ведь эти двое хотят забрать моего ребёнка!

Содержание

Глава1	4
Глава2	22
Глава3	30
Глава4	45
Глава5	52
Глава6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александра Стрельцова

Предатель. (Не) его семья

Глава1

МИЛАНА

Не веря своим глазам, спешу к любимому мужчине, который стоит на дорожке парка и разговаривает по телефону. Почему Паша здесь, когда вернулся, почему не сообщил? Неужели командировка завершилась раньше, и мой день рождения мы отметим вместе? В груди мгновенно всколыхнулась радость! Я так об этом мечтала! Второй год вместе, а все праздники порознь! И во всём виновата его работа, будь она неладна! Вечные разъезды и месячные командировки, и очень-очень редкие совместные ночи.

– Паш! – подхожу к любимому, зову его, улыбаюсь.

Тело мужчины мгновенно напрягается, плечи становятся шире, мощнее, ткань пиджака натягивается, обрисовывая его мышцы. Он медленно, словно нехотя поворачивается в мою сторону, смотрит, словно призрака увидел.

– Я перезвоню, – произносит собеседнику по ту сторону линии, отключает звонок, прячет телефон во внутренний карман пиджака, – ты что здесь делаешь? – как-то нервно и зло спрашивает любимый.

– Гуляю, – отвечаю на заданный вопрос Паши, не понимая его состояния, – а ты что здесь делаешь? Когда, ты вернулся, почему не позвонил? Командировка закончилась? – делаю шаг ближе, хочу обнять любимого, так соскучилась за эту неделю в разлуке, но останавливаюсь от его прохладного тона.

– Закончилась, – дёргает желваками и взгляд бросает в сторону.

Слежу за его взглядом, и сразу понимаю на кого мой любимый смотрит.

Алина!

Вот, как значит! Своей сестре он позвонил, и как понимаю даже гулять с ними согласился, а мне не сообщил, что вернулся. Внутри зашевелилась обида. Она всегда заполняет душу, когда на горизонте появляется его сестра, я всегда ухожу на второй план.

Второй год вместе, а с Алиной мы так и не знакомы лично, она даже не знает о моём существовании, что очень злит и обижает меня. Я конечно всё понимаю, она потеряла любимого человека, ей больно смотреть на любовь других, но это не значит, что её брат тоже должен быть один и не иметь семьи! Про саму девушку я узнала случайно, увидела их однажды вместе, он так тепло её обнимал в кафе, я тогда не решилась к ним подойти, испугалась, что не одна у любимого.

Но зачем-то сфотографировала их и отправила Паше с вопросом «кто эта девушка» и убежала домой. Паша был у ме-

ня уже через полчаса, кинулся ко мне, стал успокаивать, рассказал, кто эта такая. Так я и узнала, что у него есть сестра, и о горе в их семье! Оберегая чувства сестры, Паша не знакомил меня с ней, зато познакомил с мамой, очень красивой и интеллигентной женщиной.

– Чёрт! – неожиданно рычит мужчина, кулаки его сжимаются, еле заметно качает головой, губы поджал, крепко, в тонкую линию.

Замечаю, как от Алины отстраняется девочка постарше и торопливо бежит в нашу сторону, если я правильно поняла, ей пять лет, второй девочки всего два годика.

– Папа! – громко кричит девочка, подбегает к любимому, тянет к нему ручки.

С открытым ртом и огромным удивлением в глазах наблюдаю, как мой Паша ловко подхватывает ребёнка, при этом очень зло смотрит на меня.

Почему дочь сестры называет его папой?

– Уходи! – цедит сквозь зубы, смотрит чернотой своих глаз, – ещё не хватало, чтобы Алина тебя увидела, – оглядывается на детскую площадку парка, на девушку, которая играет с ещё одним ребёнком.

– Паш... – теряюсь от слов и грубого, до жути холодного голоса любимого.

Дальше говорить не получается, к горлу подкатил острый ком, лишая возможности не только говорить, но и дышать.

– Пошла домой, живо! – всё тем же тоном продолжает Па-

ша, – я скоро приду, – кладёт ладонь на голову девочке, закрывает её ушко, прижимая второе к своему плечу, явно для того, чтобы ребёнок не слышал слов.

– Павел?!

Выражение его лица меняется, страх скользит по красивым чертам. Наш малыш как-никогда сильно, пинает меня изнутри – срывая с губ стон, обхватывая руками свой круглый живот. Но вместо того, чтобы прийти мне на помощи и поинтересоваться всё ли хорошо, он, резко развернувшись, быстро удаляется на зов Алины.

Окаменевшая смотрю вслед любимому и не могу поверить в происходящие! Вот так легко он нагрубил, отдал приказ, как какой-то собаке, а сам побежал к любимой сестрице!

Малыш вновь пнул меня, привлекая к себе внимания. Наклонив голову вниз, увидела, как на голубой сарафан упала прозрачная капля, оставляя мокрое пятнышко. Подняв руку вверх и проведя по лицу, понимаю, что из глаз от такого поступка любимого текут слёзы.

– Тишшшш, – шепчу крохе в животе, малыш чувствует, что маме плохо и тоже возмущается поведением отца, – хватит! – а это уже себе.

Нужно прекращать весь этот балаган, пора Алине узнать про меня, пусть знает, что её брат тоже человек и имеет право на счастье, к тому же у нас через два месяца родится ребёнок, наш сыночек! Она взрослая девушка и должна понимать, что земля не вращается только вокруг неё!

Набравшись смелости, поднимая взгляд, смотрю на площадку и на время теряюсь от того, что никого не вижу. Они ушли! Она увела моего Пашу! А он?

Из сумочки раздаётся мелодия входящего звонка, в голове появляется мысль, что звонит Паша, торопливо открываю сумочку, ищу телефон, но, когда нахожу и смотрю на дисплей, разочаровываюсь. Номер незнакомый, но вызов принимаю.

– Милана! – летит смутно знакомый голос, не даёт даже «алло» сказать, – девочка, это Раиса Федотовна, – говорит женщина, после чего я понимаю, кто мне звонит.

Мама Паши!

– Ты где сейчас, милая, мне Паша звонил, попросил объяснить тебе его поведение, присмотреть за тобой, – тараторит женщина

Вот значит как?! Маме позвонил, значит переживает!

– Ты всё там же, в парке? – задаёт вопрос.

– Да, – отвечаю скорее на автомате, мне всё ещё обидно и слёзы не перестают течь.

– Стой там, милая, я сейчас подъеду! – говорит мать любимого, – Паша сильно переживает, но ты же знаешь, какая у нас ситуация в семье, в общем жди меня, я буду через десять минут, – бросает напоследок и отключается.

Отнимаю руку с телефоном от уха, она плетью повисла вдоль тела, я всё ещё смотрю на площадку, на которой ещё пару минут назад, мой любимый играл с племянниками и

сестрой.

«-Папа!»

– Почему она назвала Пашу так? – шепчу вопрос в никуда, присаживаюсь на край скамейки, что стоит рядом в ожидании мамы любимого.

– Миланочка! – доносится со стороны.

Оглядываюсь на окрик. Мама любимого спешит по извилистой дорожке парка, как всегда во всей красе, шляпка с вуалью, что скрывает половину лица, очень дорогой брючный костюм, и туфли на высокой шпильке. Позади неё двое мужчин, охрана. Семья Паши довольно богатая, Раиса Федотовна руководит сетью бутиков, а вот сам Паша работает в фирме своего деда, которого я ни разу не видела. Любимый говорит, что его дед, очень сложный человек, из-за него-то мы с любимым всё ещё и не являемся мужем и женой официально.

Мужчина уже год находится за границей, проходит там лечение, что конкретно со здоровьем деда, любимый не говорил. Только сказал, пока его родственник не поправится, стать мужем и женой мы не сможем, сильно любит Паша своего деда, и хочет, чтобы пожилой мужчина был рядом в такой день, ведь он ему отца заменил!

– Это, что за сырость на таком прекрасном личике? Дорогая, ты что, плачешь? – мать Паши нависает надо мной, откидывает вуаль шляпки вверх, смотрит хмуро, – ну-ка прекрати, нашла из-за чего реветь, он же не бросил тебя, просто

ушёл проводить сестру и племянниц, – начинает защищать своего сына.

Её слова задевают, становится ещё обиднее! «Не бросил»! А что же он сделал?

– Он меня не любит, – неожиданно для самой себя говорю женщине, от чего та замирает, как и моё сердце, – наверное он только из-за ребёнка со мной, – продолжаю, от чего внутри становится больно, – он так грубо со мной разговаривал, холодно, голос повысил, – перед глазами злое выражение лица любимого, – вы меня простите, Раиса Федотовна, но я больше не могу терпеть вашу дочь с её потерей, вы должны ей объяснить, что Паша имеет право на счастье, и быть её нянькой не обязан, – говорю то, о чём думала пока ждала женщину.

Упираюсь руками о спинку лавочки, поднимаюсь на ноги.

– Милана, деточка, ты конечно же права, но и ты должна понимать, Алине очень трудно, она похоронила любимого человека, осталась одна с двумя детками, а Паша, он для неё сейчас опора и поддержка, потерпи ещё чуть-чуть, а я обязательно поговорю с... дочерью, – на секунду запинается, – и с Пашей поговорю, чтобы такого больше не повторялось, ты и малыш, наши бриллианты, и мы очень любим вас, – обхватывает меня за плечи, к себе прижимает настолько, насколько позволяет мой живот.

Женщина впервые так близко рядом, обычно она даже не обнимает меня, хотя и случая не было для обнимания, мы

виделись то, четыре раза. Два из них были походами к её знакомому врачу, у которого я и стою на учёте по беременности. первый раз было знакомство, и сейчас четвёртый.

— Паша попросил отвезти тебя домой, одну не отпущу, так что поехали, хватит на сегодня прогулок, нагулялась уже, — как-то недовольно бросает последние слова, но внимание на них не заостряю, не до этого мне.

Женщина отстранилась, кивнула своей охране, и один из них подошёл ближе, подхватил меня за локоть, аккуратно, и повёл по дорожке в сторону выхода. Мне ничего не осталось, как идти вслед за мамой Паши. Парк мы покинули, на парковке нас дожидались ещё двое охранников, один из которых быстро распахнул заднюю дверь огромного автомобиля. Тот, кто вёл меня, помог забраться в салон, следом в машину забралась и женщина.

Двое мужчин заняли места спереди, остальные направились к ещё одной машине, ничуть не меньше нашей. Как только заурчал двигатель, автомобиль тронулся с места. Всю дорогу провели в тишине, Раиса Федотовна часто кидала на меня задумчивые взгляды, но молчала, печатала что-то в телефоне, а в моей голове роились мысли

Неужели Паша не понимает, как мне обидно? Он вновь поставил сестру на первое место! Каждый раз, как на его телефоне появляется звонок от неё, он уезжает, оставляет одну, но никогда до сегодняшнего дня, не повышал на меня голос!

Но больше всего меня мучает обращение его племянницы! Из головы не выходит это «папа»!

– Приехали, – вырывает меня из мыслей голос Раисы Федотовны.

Поднимаю взгляд, смотрю через боковое стекло, вижу подъезд дома, в котором находится квартира Паши.

Мне не дают выбраться из машины самой, водитель выскакивает на улицу, открывает дверь с моей стороны, второй охранник помогает женщине. До квартиры идём в сопровождении всё той же охраны, оставляют они нас только когда дверь квартиры закрывается за нашими спинами.

– Раиса Федотовна, – поворачиваюсь к женщине, – скажете, почему ваша старшая внучка, называет Пашу папой? – я до жути хочу получить ответ.

Конечно, могла бы дождаться самого Пашу и спросить у него, но меня так мучает этот вопрос.

Женщина замирает, поджигает покрашенные ярко-красной помадой губы, слегка морщится.

– Милана, – начинает женщина, сделав глубокий вдох, – Лизонька ещё маленькая, – называет имя внучки, – и не понимает, что за горе посетило нашу семью, ей нужен отец, а так как Паша часто с ними, вот и называет его так, повзрослеет, поймёт, что к чему и перестанет, – поясняет женщина, вот только мне от этого почему-то не легче.

– Неужели Лиза не помнит своего настоящего папу?

– Ох, какая ты бледная, – явно уходит от ответа на мой

вопрос, – идём, уложу тебя в постель, тебе нужно отдохнуть, а я пока чай тебе сделаю, – ловит мою ладонь и не снимая туфлей, тянет меня в нашу с пашей спальню.

Второй раз задавать вопрос не решаюсь, видно, что не хочет отвечать Раиса Федотовна, значит задам его Паше, когда он придёт.

Меня укладывают в постель, в том сарафане в котором я и гуляла, только босоножки успела снять у порога. Оказавшись в постели, понимаю, что действительно устала, и больше морально чем физически. Ужасный день, а ведь завтра у меня день рождения, который я и не планировала отмечать, так как думала, что Паша в командировки, а больше мне и не с кем! Мои родители далеко, живут на Урале, подруги есть, но после окончания института я познакомилась с Пашей, и всё моё внимание, он забрал себе. Сдевочками уже год не общалась. а сейчас понимаю, что зря, даже поплакаться некому, маме жаловаться не смогу, будет переживать. Она с папой и так не восторге от Паши, не нравится им, что мы не женаты.

Чай я так и не дожидаясь от Раисы Федотовны, меня очень быстро затягивает в сон. Через время, через толстую пелену сна, до меня долетают обрывки фраз, разобрать, которые не получается, но я точно знаю, что женщина разговаривает с Пашей. Пришёл! Ещё через какое-то время, постель рядом проминается, и запах любимого мужчины окутывает коконом.

– Прости меня, любимая, – горячий шёпот на ушко, и сердце радостно трепещет, любимый рядом.

Я хорошо помню объятия Паши через пелену сна, вот только просыпаюсь в постели одна. Становится сразу холодно и грустно. Неужели ушёл! Приглушённый звук где-то в квартире искорками радости откликается в сердце, неуклюже поднимаюсь с кровати, спешу на выход из комнаты, по пути поправляю смятый сарафан.

Мне бы умыться, сменить наряд, но я поскорее хочу увидеть Пашу, обсудить его поведение, его сестру. Не хочу больше быть на вторых ролях, я жду от него ребёнка, живу в его квартире, любим друг друга, я прекрасно слышала его признание, когда он прилёг рядом. Мы пара, но, к сожалению, пока не муж и жена.

Звук идёт из кухни, а значит любимый там, я уверена, это он! Ногами передвигаю, как можно тише, почему-то не хочу, чтобы Паша услышал меня, раньше, чем увидит. Из кухни раздаётся громкая трель мелодии телефона, такая мелодия стоит у любимого на звонке, что подтверждает его наличие в квартире.

– Слушаю, – раздаётся до мороза по коже, холодный голос любимого, точно такой же, каким он разговаривал со мной в парке!

Останавливаюсь в двух метрах от входа на кухню, мне становится интересно с кем сейчас разговаривает мой любимый.

– Нет, не получается, – продолжает разговор, явно отвечает на вопрос собеседника, – появились неотложные дела, тебе придётся поехать одному, ты за старшего, если появятся какие-то проблемы, сразу звони, – говорит Паша, а я понимаю, что разговор о работе.

Вот только какие неотложные дела, и куда и кому придётся ехать одному?

– Нет, Алина и девочки в полном порядке, образовался небольшой пустяк, но утрясти его необходимо.

Об упоминании его сестры и племянниц, волна ревности прокатывает по всему телу. Я не знаю кто именно сейчас беседует с Пашей, но меня задевает, что интересуются не мной, беременной, практически женой, а Алиной и девочками, словно меня и нет в жизни Астахова.

– Ты правильно понял, и сам понимаешь, никто не должен знать, так что держи свой язык за зубами, иначе пойдёшь подворотни подметать, – неожиданно бросает угрозу любимый своему собеседнику.

Про что должен молчать этот человек? Почему Паша ему угрожает?

– Мне плевать, как ты будешь выкручиваться, он не должен знать где я! – рявкает Паша.

Вздрагиваю от такого крика, рукой хватаюсь за стену, второй прикладываю к губам, чтобы не выдать себя.

– Тупица, – цедит сквозь зубы Паша, и по грохоту понимаю, что он телефон свой на стол бросил, – олух недоделан-

ный, зря ему мать доверилась, – бросает недовольно.

Я ничего не понимаю, но чувствую, что на глаза Паше лучше не появляется, он зол, даже хуже, чем в парке. Тихо плечусь назад, рукой скольжу по стене, но совсем забываю про тумбу с вазой, что стоит в коридоре и роняю её. Громкий звук разбитого стекла оглушает, вскидываю руки вверх, зажимаю уши, замуриваю глаза. Быстрые шаги по кухне. Боже, так глупо выдала своё присутствие.

– Мила! – голос Паши покрывает всё тело табуном мурашек, – ты поранилась, детка? – из холодного его голос становится взволнованным, тревожным, – как ты так, а? – в секунды оказывается рядом, словно пушинку подхватывает на руки, – посмотри на меня, – произносит требовательно.

Подчиняюсь, открыла зажмуренные до этого глаза, смотрю на любимого. Глаза чёрные, словно сама тьма в них клубится. Именно в эти глаза я изначально и влюбилась! Никогда таких не видела.

– Ты поранилась? – смотрит пристально, словно мысли мои прочитать пытается, хотя порой мне кажется, что так и происходит.

– Нет, – качаю головой, хотя даже не знаю, но боли точно не чувствую.

– Аккуратнее нужно, помни, ты не одна, – опускает взгляд на мой живот, – сына береги, – словно приказ отдаёт, возвращает взгляд обратно к моим глазам, – идём кушать, я приготовил овощи на пару, тебе обязательно их нужно есть, ты

без меня тут совсем распустилась, половина продуктов выкинуть пара, ты должна хорошо питаться, глаз да глаз за тобой, хоть одну не оставляй, – недовольно произносит любимый.

Его слова затрагивают обиду, что скручивает меня после его поступка в парке.

– Вот и не оставляй! – бросаю с обидой, – я устала сидеть в этой квартире одна, я беременна, мне внимание нужно, а ты это внимание своей сестре уделяешь, и то, как ты поступил сегодня...

– Тишшш, – неожиданно крепко, вжимает в себя, перебивает, и следом накрывает мои губы своими.

Но вместо ожидаемой ласки получаю кусачий поцелуй, после которого на языке ощущается привкус железа.

– Такого больше не повторится, я клянусь, Мила, – отстраняется от моих губ, – я понял свою ошибку, Алине пора жить своей жизнью, а мне своей, – и вновь его губы на моих, но теперь как и всегда, ласково, любя.

– Паша..., Паша остановись, – шепчу сбившимся голосом, чуть не задыхаясь от такого жадного поцелуя любимого.

У нас всегда так!

Но любимый не останавливается, его губы, руки, скользят по моему телу, я даже не заметила, как оказалась на нашей постели.

– Паша, – зову мужчину требовательно, ладонями обхватила его лицо, тяну вверх, заставляю посмотреть на меня.

Его руки застывают на моих обнажённых бёдрах, платье моё уже где-то на полу, только нижнее бельё осталось и скрывает самые интимные места.

– Ну что такое? – с нескрываемым недовольством в голосе спрашивает мой мужчина, его взгляд полыхает чёрным пламенем.

– Мне нельзя, – напоминаю о запрете врача, чуть не плачу от разочарования.

Мне так хочется ощутить его любовь, растворится в нём.

– Чёрт, – прикрывает глаза, лбом упирается в моё плечо, – совсем забыл, ты такая соблазнительная, что я мозгов с тобой лишаясь, забываю всё к хренам, – стонет Паша.

Мне до одури приятны его слова, не могу сдержать счастливую улыбку, пальчиками зарываюсь в его волосах на затылке, они чуть длиннее, чем по бокам.

– Я люблю тебя, – шепчу, прикрывая глаза, улыбка продолжает сиять на моём лице.

– Ты даже не представляешь, как я тебя, люблю, – приподнимает голову.

Открываю глаза, встречаюсь с глазами любимого. Мой мужчина, родной, самый дорогой.

Как я рада, что жизнь столкнула нас! Я даже и не мечтала о таком мужчине, всегда представляла рядом с собой совершенно другого человека. Ни такого властного, более спокойного, ни с чёрными, а голубыми глазами, выше меня, но не на целых две головы, старше, но не на восемь лет. Паше

тридцать два, и меня это не смущает, как я думала раньше.

По комнате раздался весьма неприличный звук, мой же-
лудок напомнил о своей пустоте.

– Говорю же, ты лишаешь меня здоровых мозгов, – качает
головой осудительно.

Словно я и правда в чём-то виновата.

– Пойдём, буду кормить тебя, я взял отпуск, так что две
недели я полностью в твоём распоряжении, а главное буду
следить за твоим питанием, – встаёт с постели, протягивает
мне руку.

– Аааааа! – радостно взвизгивая от услышанного, как
можно быстрее поднимаюсь, прижимаюсь к крепкому торсу
мужчины.

Я готова прыгать от счастья, да только положение моё не
позволяет этого сделать. Моя беременность и так протекает
не очень легко. Токсикоз утих лишь месяц назад, постоянная
тошнота выматывала, но я держалась, делала всё, что гово-
рил мне доктор, пила все прописанные лекарства и витами-
ны.

Дважды попадала в больницу, Паша тогда с ума сходил,
даже дежурил первые дни в больнице, на врачей кричал,
угрожал им, что, если с нашим сыном, что случится, он по
кирпичикам разберёт ту больницу.

– Ты сейчас не пошутил? Две недели, каждую ночь до-
ма? – скидываю голову вверх, смотрю с надеждой в глаза
мужчины.

– Тише, не кричи так, ты же знаешь, я не имею привычки шутить таким, – наклоняется, нежно касается кончика моего носа губами, – идём кушать, – тянет за собой.

А мне плакать хочется, я так соскучилась по нему.

Паша заводит меня на кухню, усаживает за стол, сам отходит к кухонной гарнитуре, открывает одну дверку, достаёт посуду, ставит на столешницу. Пристально наблюдаю за его действиями, то как он двигается, как перекачиваются под его кожей тугие мышцы. Паша в одних брюках, пиджак и рубашку он потерял где-то в комнате.

Сумасшествие! Ни только Паша теряет голову, но и я!

Передо мной появляется тарелка с дымящимися овощами и куриным белым мясом. От вкусного аромата рот наполняется слюной.

– Ешь, – раздаётся над головой, и следом Паша присаживается рядом, с ещё одной тарелкой овощами и мясом.

– Приятного аппетита, – говорю любимому и взяв в руку вилку, нанизываю на неё кусочек мяса, отправляю его в рот.

Боже! Как же вкусно! Паша волшебным образом готовит.

– Уммм, – стону от блаженства, – спасибо, очень вкусно.

– Я рад, что тебе нравится, – смотрит на меня чуть склонив голову набок, при этом сам ещё не притронулся к еде.

– А почему ты не ешь?

– Ждал твоей оценки, – тут же берёт вилку, и протыкает крупно порезанный помидор, отправляет его в рот.

Ничего больше сказать не успеваю, лежащий на столе те-

лефон мужчины оживает. Мне хорошо видно дисплей, на котором высвечивается имя Алина и её фото на весь экран.

Аппетит мгновенно исчезает, непроизвольно сжимаю вилку в руке, так крепко, что пальцы белеют. Паша, бросив взгляд на телефон, протянул к нему руку.

Вот и всё, сейчас он вновь кинется к ней, оставит меня одну! В груди становится так грустно и больно, еле сдерживаю себя, чтобы не вскочить и не убежать в комнату, спрятаться, закрыться, только не видеть, как он уходит!

Паша поворачивает голову в мою сторону, смотрит пару секунд, а поле делает то, чего я никак не ожидала! Он скидывает вызов, а следом и вовсе отключает телефон, кладёт его обратно на стол.

Глава2

ПАВЕЛ

– Ты зачем притащил в этот парк эту наседку с девочками? Ты мозгами тронулся? – с порога набрасывается мать, шипит не хуже змеи, руки на груди сложила, смотрит убийственным взглядом, – знаешь же, что Мила, – кивает в глубь квартиры, – гуляет там часто! Если всё сорвётся из-за твоей глупости, я тебя сама убью, сыночка, – кидает угрозу.

– Тише, – смотрю в глубь квартиры.

– Она спит, у неё вновь стресс из-за тебя! Исправляй ситуацию, делай что хочешь, но ты должен сейчас быть рядом с Миланой! – чуть повышает голос, но следом прикусывает язык, прислушивается к тишине квартиры.

– Ты же знаешь, сейчас я не могу, – злость кипит с той секунды, как услышал голос Милы за спиной.

– Что опять выдумала эта дрянь? Чем опять манипулирует? – глаза матери потемнели, наверное, вспомнила все уловки Алины.

– Как всегда, и не смотри так, ты сама настояла на нашей с ней свадьбе, – отодвигаю мать в сторону, тихо иду в комнату, где спит мать моего сына, та, что в сердце, та, с кем быть не могу.

– Да кто же знал, что всё так повернётся! Кто знал, что твой дед на старости лет таких дел наворотить! – шипит в

затылок, крадётся по пятам, – ещё и эта дрянь прознала, про что ей знать не следовало!

– Прекрати её оскорблять! – резко разворачиваюсь лицом к матери, – сама за своим языком не уследила, теперь помоями поливаешь, а раньше прыгала перед ней, чуть в ножки не кланялась, – напоминаю о былых временах.

– И сейчас бы кланялась, но не после того, что сотворила! – плюётся ненавистью, а в моей груди вновь печёт от воспоминаний.

Как меня всё это достало! Как хочется покоя, но видимо в моей жизни его не будет! Не заслужил, не достоин! Не говоря больше ни слова, разворачиваюсь и тихо захожу в комнату, где на кровати спит моя Милана. Нежная, добрая, самая чистая девочка на свете, наверное, только её искренняя любовь и держит меня над самой пропастью.

Останавливаюсь около постели, смотрю на бледное личико любимой, сглатываю колючий ком. Даже думать не хочу о том, что мне предстоит сделать в ближайшем будущем. Как я смогу разрушить её собственными руками? Как втоптать в грязь самое чистое? Зачем я тогда с ней познакомился, зачем вовлёк во всё это? Как теперь спасти хотя бы её? где выход из этой чёрной бездны?

– Идём, проводишь меня, а после будешь любоваться своей... любимой, – шепчет мать с ехидством на последнем слове.

Резко разворачиваюсь, смотрю на неё, стараясь сдержать

всю гримасу, что рвётся наружу. Откуда?! Только и кружит в голове.

В ответ победная улыбка. И как давно она знает о моих чувствах к Милане?

– Я не слепая, давно всё поняла, – отвечает на мой молчаливый вопрос.

Где прокололся?! Как выдал себя?!

– Идём, – командует мать.

Оборачиваюсь к Милане, смотрю на нежные черты лица девушки, скольжу вниз, к круглому животику. Я так мечтал наблюдать каждый день, как растёт мой сын, как впервые пнёт Милу изнутри, но я пропустил этот долгожданный момент. Ублажал ту, что ненавижу всей душой, ту, которую готов убить, и если бы не девочки, мои маленькие крошки, которые очень любят свою мать, то давно бы убил!

– Позвони Славе, отправь его одного, а сам останься здесь, – беря шляпку с полки, командует мать, – и ещё, – поджимает губы, смотрит хмуро, – как ты мог допустить, что Лиза обратилась к тебе при Миле? Наша девочка взволнована таким обрушением Лизы, даже предположила, что ты её больше не любишь, и с ней только из-за ребёнка, – кривит губы в усмешке.

Меня коробят её слова, нутро выворачивает.

– Разберусь, тебе пора, – открывая дверь квартиры, киваю головой, показываю женщине, чтобы покинула жильё.

– Как грубо, родную мать, и за порог, – осуждающе качает

головой, но квартиру покидает, её охрана тут как тут, встречает свою хозяйку.

Закрываю дверь, запираюсь на все замки, словно они способны спасти нас с Миланой и сыном от всего зла, что нависло над нами.

Делаю шаг в сторону спальни, как резко останавливаюсь, из кармана разносится мелодия звонка. Пару секунд смотрю на дисплей, до скрежета сжимаю зубы.

– Я слушаю тебя, Алина, – спрашиваю, как всегда спокойно, скрываю к хренам все эмоции.

Я научился держать себя в руках, и всё благодаря жене.

– Где, ты? – летит обыденное.

Кидаю взгляд на дверь спальни, и иду на кухню, закрываю за собой дверь.

– В офисе, – ложь, как по накатанной слетает с языка, – через час поеду в аэропорт, избежать поездке не удалось, дед хочет, чтобы я лично присутствовал на собрании, – отчасти говорю правду.

– Я хочу полететь с тобой, хочу повидаться с Кристианом, – без зазрения совести называет моего деда по имени, словно друга или ровесника.

– Вряд ли этого же желает он, – открываю дверь холодильника, чтобы проверить наличие продуктов.

– Неужели он всё ещё обижается на меня? – искренне возмущается жена.

– После твоего поступка, он два месяца боролся за жизнь,

его сердце чуть не перестало биться, и ты это прекрасно знаешь, так что прекращай ломать комедию, я не возьму тебя собой, я еду работать, Алина, а ты остаёшься дома и присматриваешь за нашими девочками, – говорю грубее чем надо, чуть не выдаю своё раздражение и злость.

– Не повышай на меня голос! – кричит истерично.

– Я не повышаю, Алина, – сжимаю телефон до хруста корпуса, прикрываю глаза, одной рукой опираясь о поверхность стола.

– Когда ты вернёшься? – тон голоса мгновенно меняется, становится мягким и ласковым, но меня это давно не задевает, да и не задевало никогда.

– Через две недели, – отвечаю жене.

Мне просто необходимы эти четырнадцать дней, нам с Миланой они очень нужны. Возможно, они последние, которые мы можем провести вместе, скоро мы оба окажемся в аду, и гореть будем одинокого, только моей Миле будет в стократ больше.

– Это долго, ты не можешь настолько бросить нас! Я не хочу, чтобы ты ехал без меня! – вновь истеричное.

– Это не обсуждается, ты остаёшься с детьми дома, к тому же Вика только переболела, а у Лизы выступление, не заводи скандал, Алина, – предупреждаю жену.

Вот только мои слова для неё больше ничего не значат, не боится, знает то, чего не должна, и теперь крепко держит удавку на моей шее! Но на моё удивление, Алина отключает

ется, впервые за полтора года без угроз. Кладу телефон на стол, трясую головой что зверь, и следом направляюсь в спальню к любимой.

Три часа спокойствия, наслаждения тишиной, рядом с человеком от которого согреваюсь внутренне. Именно на столько хватило Алины. Увидев звонящего, пальчики любимой побелели, вцепилась в вилку, как в спасательный круг, смотрит растерянно, ревниво, с какой-то обречённостью на глубине ярко-серых глаз. А будут ли они сиять своей красотой через два месяца? Уверен, нет! Боль затмит всю радость, погасит жизнь, навсегда оставит след!

Почему так? Какого чёрта дорогой мне человек должен расплачиваться за ошибки других? Как я вообще такое допустил? Сгорая от боли потери ещё не родившегося сына, жизнь которого так безжалостно оборвала Алина, я сбежал, как трус, не смог находится рядом с монстром, которым теперь становлюсь и сам! Именно тогда я и встретил Милану.

Добрая девушка, с радостной улыбкой, и огромным букетом ромашек, спешно переходила дорогу в неподобающем месте, а я убитый горем, среагировал с большим опозданием. Мила не хило приложилась о бампер моего внедорожника. Когда выскочил к сбитой мною девушке, на несколько секунд потерял возможность шевелиться, говорить и думать. Она плакала, но не от боли, не от испорченного платья, она плакала по цветам, которые выпав у неё из рук, оказались под огромными колёсами моей машины.

Наш роман начался с самых первых секунд знакомства, я к хренам потерял голову, мне так хорошо ещё никогда не было рядом с кем-либо! Она залечивала раны на душе и сердце, возрождало то, что погубила Алина. Но тогда я не знал, к чему приведёт моя встреча с Милой.

«-Паша, я беременна»

Как же я тогда был рад, готов был горы свернуть, но радость продлилась недолго! Весь мир ополчился против меня! Подлость жены и подлость матери в своём прошлом, накинула мне двойную удавку на шею.

Я готов был развестись с Алиной, я никогда не любил её, нас свела мать, выбрала подходящую кандидатуру на роль моей супруги. Алина полностью подходила под требования деда. Мой отец тоже не сам выбрал себе жену, за него это сделал его отец. Аристократ «в пятом колене». Строгий, надменный старикан, что напрочь не умеет любить, хотя нет, свои миллиарды он любит, а ещё их любит моя мать!

– Паш, – выдёргивает меня из тёмных воспоминаний, голосок Милы, – ты правда больше не станешь так трястись над сестрой? – смотрит на меня с распахнутыми в удивлении глазами.

– Я уже сказал, – говорю коротко, меня гложет то, что не могу проводить всё своё время рядом с ней, гложет, что приходится обманывать, и кинжалами режет от того, что придётся сделать.

Сука! Как она будет без ребёнка, без меня? Она же сума

сойдёт! Но другого выхода нет! Я не допущу, чтобы она попала в дом к этому старикану, чтобы испытала всю его жёсткую натуру на себе, а после её выдадут за какого-нибудь аристократа с пухлым счётом в банке, и только из-за того, чтобы отомстить за ложь своей невестке!

Глава 3

МИЛАНА

Дверь в ванную комнату открылась, в помещение зашёл любимый, с голым торсом, но уже в домашних штанах. Чуть не давлюсь зубной пастой, замираю, скольжу жадным взглядом по его широким плечам, груди, по накаченным кубикам пресса. Нельзя, Мила!

– Милаш..., – ласково зовёт меня Паша, подходит, обнимает сзади, губами касается коже на шее, – я тут подумал, – запинается, глаза прикрыл, словно собирается духом, чем меня настораживает, почему-то внутри за секунды возникло волнение, – может мы определим тебя к Елене в клинику, – распахивает свои чёрные глаза, называет моего врача просто по имени, словно она подруга, хотя ею и является, только не Паше, а его мамы.

– Зачем? Я прекрасно себя чувствую, тошнота полностью прошла, – сплёвываю пасту, тянусь за стаканом с водой.

– Это для перестраховки, – смотрит на меня через отражение в зеркале.

– Какой «перестраховки»? – разворачиваюсь в кольцо его рук, запрокидываю голову, смотрю на любимого, – что-то не так с ребёнком? – на меня медленно наплывает волна паники, он знает то, чего не знаю я?

– Нет, с малышом всё хорошо, не пугайся, прошу, – обхва-

тывает лицо горячими ладонями, большими пальцами касается уголков губ, – мне просто нужно будет уехать, возможно меня даже не будет на родах, – произносит и поджимает губы.

– Как не будет? – теряюсь, я так надеялась, что в такой момент он будет рядом, мы же планировали совместное роды, а теперь получается...

– Так получается, прости малыш, сам сегодня только узнал, – наклоняется, своим лбом касается моего, – если бы, ты только знала, как я не хочу уезжать, – произносит хриплым шёпотом, – но обстоятельства..., – вновь запинается, его веки зажмуриваются, ладони чуть крепче сжимают моё лицо.

– Паш? – зову мужчину, от любимого просто сквозит печалью, – что-то случилось, с дедом? – появилась мысль, что здоровье его родственника ухудшилось, но мне не решается сказать.

– С дедом? – открывает глаза, смотрит растеряннo, – нет, малыш, просто не хочу тебя оставлять одну.

– Тогда не оставляй, у тебя же есть заместители, пусть они поедут за место тебя, – волнение внутри стало ещё сильнее, сколько раз Паша уезжал в свои командировки, но никогда так не переживал, а он переживает, я вижу, чувствую.

– К сожалению, я должен присутствовать лично, – скулы на его лице выступают, от того, что Паша крепко сжимает зубы.

– До родов ещё два месяца, всё может измениться, когда твоя поездка? – спрашиваю, с огромным трудом сдерживая подступающие слёзы.

Я знала, что беременные женщины становятся до жути ра-
нимыми, плаксивыми, но никогда не думала, что и меня та-
кое коснётся!

– Через две недели, – отвечает, чем выбивает воздух из лёгких.

Полтора месяца одна! Это очень долго!

– Но..., но ты же будешь приезжать? – выдавливаю из се-
бя, смотрю с надеждой на положительный ответ.

Но Паша отрицательно качает головой.

– За тобой будет присматривать мама, совсем одну не
оставлю, если хочешь, она проживёт с тобой, но лучше будет,
если ты ляжешь в больницу, так для меня будет спокойнее, –
говорит любимый.

Я не знаю, что ему ответить, я не хочу ни одного, ни дру-
гого, хочу, чтобы он был рядом!

– Я..., я не знаю, – опускаю глаза вниз, чувствую, как пе-
лена слёз заполняет глаза.

– Милаш, пожалуйста, только не плачь, поверь, мне тоже
трудно, – прижимает к своей груди крепко, но в тоже время
трепетно, – ты подумай над моим предложением, у нас впе-
реди целых две недели, я буду рядом, ни на шаг не отойду от
тебя, – носом зарывается в мои волосы на макушке.

Неужели все бизнесмены так много уделяют времени ра-

боте? Как их жёны привыкают к тому, что практически не видят мужей? А дети? Вот она, вторая сторона богатой жизни!

– Не грусти, не надо, – отстраняется, пальцами подхватывает меня за подбородок, заглядывает в глаза, – идём спать, день был напряжённый, – наклоняется, мягко целует в губы, а после утягивает в постель, где крепко обнимает, чуть не душит в своих объятиях, но мне так хорошо, что даже не сопротивляюсь.

Засыпаю быстро, не смотря на кружащие мысли в голове, а вот среди ночи, просыпаюсь от непонятного звука, грохота. Открыв глаза, обнаруживаю, что в постели одна, и где-то в глубине квартиры, разносится грубый голос Паши. Его голос приглушённый, но очень злой. Наверное не стоит подслушивать чужой разговор, скорее всего Паша решает рабочие моменты, но непонятное любопытство берёт вверх, и тихо поднявшись с постели, крадусь к приоткрытой двери спальни.

– А в твою головку ни разу не приходила мысль, что после твоего рассказа, ни только мне, но и тебе, моя дорогая, переключат кислород, не забывай, он и так в ярости после твоего поступка! – вибрацией отзывается тихий, но жути рокошующий рык Паши, мне кажется даже стены дома содрогнулись.

Замерла на тоненькой полоске света, что идёт через щель приоткрытой двери из коридора. Что случилось у моего мужчины, и кого он называет «моя дорогая»? Делаю ещё шаг вперёд, тяну руку к ручке двери, закусив губу, тяну дверь на

себя, молясь, чтобы она не издала и малейшего звука. Я не понимаю своего порыва, но что-то неведомое подталкивает меня вперёд.

Уже хочу выйти из комнаты, чтобы подобраться ближе, Паша явно на кухне, как голос мужчины вновь разносится рокотом по всей квартире, и теперь он намного громче и слова отчётливее. Да я даже бы за закрытой дверью сквозь сон услышала бы его крик!

– Ты не имела никакого право решать судьбу нашего ребёнка! Ты убила его! Убила нашего сына, Алина, не дала ему родиться! – рокошет Паша, и его слова и произнесённое имя, что разряд тока пробивает моё тело, лишая возможности дышать, двигаться, говорить и даже моргать.

Меня словно куполом накрыло, оглохла, слов Паши дальше не слышу, только собственное дыхание и громкое биение своего сердца.

Я сейчас ослышалась? Ведь правда, ослышалась? Это же не может быть на самом деле! Они же брат и сестра, о каком сыне говорит Паша? Они же не....

К горлу тут же подкатил ком желчи от появившихся предположений, и это...

«ПАПА»

Яркой вспышкой врывается в память обращение племянницы Паши, в голове появился шум, перед глазами всё закружилось. Ноги стали подкашиваться, одной рукой ухватилась за стену, другой за живот, стала опускаться вниз. Ма-

ленькими оборванными клочками, в голове стал складываться пазл из воспоминаний, они вспышками озаряют память, поднимают буквально все, даже то, на что не обращала внимание!

– Это его дети, – хриплю, не узнавая собственного голоса, всё нутро скручивает в спазме.

Неожиданно по телу прокатывается волна, похожая на судорогу, принося жуткую боль в животе, от которой сгибает пополам, а из горла вырывается пронзительный крик боли. Малыш яростно запинаясь изнутри. Не успев даже осознать, что со мной, как судорога повторилась вновь, накрывая повторной волной боли, только теперь ко всему этому, меня обдаёт жаром, но не всё тело, а только ноги. Глотая глубокими вздохами воздух, рукой, что лежит на животе скольжу вниз, туда, где всё горит огнём. Кончиками пальцев дотрагиваюсь до внутренней стороны бедра и ощутив горячую влагу, подношу руку к лицу, с ужасом смотрю на то, в чём испачкались мои пальцы.

Кровь!

– Нет! Только не это! – бормочу умоляюще, продолжая взирать на испачканные пальцы, но от созерцания ужасного меня оторвал новый виток боли, только теперь он ощущался иначе, острый, режущий изнутри, от которой кричу в голос.

– Ми..., – обрывается мужской голос, что неожиданно раздался над головой.

Вскинув голову вверх, глазами упираюсь в мужчину,

смотрю через пелену боли и слёз. Паша! Взъерошенный, с телефоном в руке, в его взгляде зарождается дикий ужас, его лицо бледнеет, смотрит на меня, каменной глыбой замер в дверном проёме.

– Паш, – с болью в голосе зову мужчину, и только после моего зова, он буквально падает передо мной на колени, тянет руку ко мне, – больно, я...

Очередная волна боли не даёт договорить, громко стону, хватаясь за протянутую ко мне мужскую руку, перед глазами всё кружится, яркие пятно взрываются всполохами, малыш в животе шевелится так, как никогда раньше.

– Мила! Потерпи..., потерпи, любимая, так не должно быть, не должно, рано, очень рано! Всё будет хорошо, слышишь, – одной рукой касается моего лица, второй обнимает за плечи, – сейчас, сейчас родная, сейчас тебе помогут, – прижимает к себе.

От его объятий, прикосновений, становится дурно, теперь боль не только физическая, но и душевная, и какая из них сильнее не понятно. Протискиваю руки между нашими телами, ладонями упираясь в его грудь, на секунду сжимаю ткань белоснежной футболки в пальцах, пачкаю её в алые разводы, а следом разжав их, толкаю от себя мужчину.

Паша явно такого не ожидал, поэтому мне удалось его отстранить от себя, смотрит непонимающе, одной рукой держа телефон у уха, вторая замерла в воздухе.

– Ты..., – всё что получается сказать, боль не желает от-

ступать, наоборот набирает силу.

Паша зажмуривает глаза, проводит ладонью по лицу, качает головой, он понял о чём я хотела сказать, понял, что я всё слышала.

– Елена Эдуардовна, это Паша, у Миланы начались роды, через пятнадцать минут, мы будем у вас, – надломленным голосом произносит мужчина, распахнув свои чёрные глаза.

Не знаю, что ответила Елена Эдуардовна Паше после его краткого описания моего состояния, но в следующей секунду лицо мужчины исказилось гримасой страха, а следом он вскочил на ноги, и как можно аккуратнее поднял меня на руки. Как бы не желала его оттолкнуть, сказать, чтобы отпустил, понимаю, что именно он сейчас может помочь мне и нашему сыну.

Всё остальное потом, сейчас главное малыш.

– Потерпи, – только и повторял мужчина, неся меня из квартиры в лифт, а следом на улицу, и укладывая на заднее сидение своего внедорожника.

Его трясёт в то время, как меня скручивает от боли и обдаёт липким страхом, потерять малыша. С каждой минутой становится хуже, кажется, боль стала постоянной, малыш стал всё меньше шевелится.

– Я не могу его потерять, не могу, – шепчу в никуда.

– Всё хорошо, держись родная, – доносится с водительского сидения, Паша сам ведёт машину, что происходит на моей памяти впервые, всегда с водителем и охраной.

Его слова совсем не утешают, не хочу слышать его голоса, видеть его! Это он виноват! За что? Почему так? Кто на самом деле Алина? Кружат мысли через туман, что окутывает сознание. Я чувствую, как меня стремительно покидают силы, стараюсь держаться в сознании, руками обнимаю живот, в котором притих малыш. Боженька, помоги нам! Спаси мою крошку!

– Милаш, милая! Открой глазки, прошу, родная! – что через толщу воды, слышу голос Паши.

Вот за что ты так со мной, любимый?

– Мммм, – срывается с губ, когда меня скручивает очередная схватка.

Как страшно и больно! А ещё мы едем почему-то очень долго, или же это мне так кажется, ведь клиника Елены Эдуардовны совсем рядом, десять минут на машине.

– Милана открой глаза! Открывай, не смей отключаться, держись любимая! Мы почти приехали, – гремит голос мужчины, от его «любимая» сердце колет, словно в него вонзили самый острый нож, из глаз новым потоком прибавились слёзы.

– Нет, – через силу качаю головой, – не любишь, – говорю с рыданием.

– Терпи родная, – явно не слыша моих слов, продолжает Паша, – всё Милаш, приехали, – кричит следом и машина останавливается.

Паша не успел ещё выбраться из машины, как задние две-

ри открылись, с двух сторон появились люди в белых халатах.

– Вытаскиваем, аккуратно, – раздаётся голос Елены Эдуардовны, – Милана держись, держись девочка, сейчас мы вам поможем..., Паша отойди, ты только мешаешь.

– Я сам, дайте я сам...

– Павел отойди!

– Убери к хренам свои руки, пока я тебе их не переломал!

Я не вижу, что происходит, прикрыв глаза не могу их открыть, только слышу и чувствую, как меня вытаскивают из машины.

– Чёрт, слишком много крови, в операционную, срочно! – холодно командует мой доктор.

– Спасите, его, прошу, – еле размыкая губы, прошу врача.

– Спасём, ты только держись, Милана, разговаривай со мной, слышишь? – меня хлестать по щекам, везут на каталки, слышу, как шуршат колёсики по земле, – расскажи, как так получилось, плохо стало резко или было недомогание с вечера? – задаёт вопросы Елена Эдуардовна.

– Нет, резко, – говорю, а в голове гремит голос Паши, и его слова о их с Алиной ребёнке, которого она убила.

Сделала аборт?

Рассказывать женщине из-за чего всё случилось не собираюсь, не нужно посещать чужого человека в такие вещи.

Не сестра она ему! Такая же как я, или же жена? Если так, то теперь понятно его редкое появления, вечные коман-

дировки, и это «ПАПА». Боже. В каком обмани я жила, он столько врал, а его мать? Она же всё знает!

– Туда нельзя, Павел, здесь жди!

Да-да! Не пускайте его!

– Давление низкое, большая кровопотеря, в приоритете мать, или оба? – раздаётся басовитый мужской голос.

– Ребёнок, – резкий ответ от Елены Эдуардовны.

– Сбрендила? – вновь мужчина.

– Толя, делай то, что тебе сказано, сначала спасаем ребёнка, а уж потом..., если конечно вытянет...

– Ну как знаешь, если что, я не при делах, сама будешь расхлёбывать, – перебивает мужчина моего доктора.

– Нечего будет расхлёбывать, приступаем, – командует женщина и меня с каталки перекладывает на что-то высокое, и укладывают на бок.

– Только не шевелись девочка, нужно обезболить, – хруст ножиц и ткани, и мою спину смазывают чем-то холодным.

А дальше моё сознание то меркнет, то вновь возвращается. Расплывчатые силуэты, протяжные голоса, слов не разобрать, голова кружится, боли нет, но до жути плохо и страшно. Всё длится ровно до того момента, как моих ушей касается тоненький посторонний звук, словно маленький котёнок мяукнул. Но это не котёнок, и не мяуканье, это мой малыш, мой сынок. Жив! Его спасли!

Это последнее, что смогла услышать и понять, а дальше темнота, тревожная и ледяная.

ПАВЕЛ

Ад! Не думал, что он так быстро настигнет нас с Милой! Бледная, измученная, потерявшая много крови, словно кукла фарфоровая. Что ей снится сейчас, а снится ли вообще? Под сильными обезболивающими, которые ей вкололи, она не чувствует и капли боли! Но сможет ли это лекарство обезболить душевную боль? Через пару часов она проснётся, и вот тогда, весь мир обрушится на неё острыми осколками!

– Павел, – раздаётся позади голос Елены, – подпиши вот здесь, – суёт мне в руки планшет со стопкой каких-то документов.

– Что это? – отрываю взгляд от Милы, поворачиваюсь к женщине.

– Разрешение на вакцинацию твоего сына, некоторые прививки делают в первые дни жизни, без подписи ни как, ни Милане же их подсовывать. Ваш ребёнок умер только для неё, Рая сказала, что все документы оформлять на тебя, так что давай, подписывай, и уходи уже отсюда, или же решил дожидаться её пробуждения и сам сообщить?

– Нет, – отступаю на шаг назад от стеклянной двери палаты интенсивной терапии, – она не должна меня больше видеть, – забираю планшет из рук врача и ручку, быстро ставлю свою подпись.

Не смогу я сказать любимой, что наш ребёнок не выжил! Не смогу после этого оставить, лучше придерживаться намеченному плану, исчезнуть, испарится, за меня всё скажет

письмо, в котором всего две строки!

– Она же знает где ты работаешь, знает фамилию, Раю знает, она же придёт к вам, – говорит Елена, суя свой нос куда не нужно.

– Не придёт, – отвечаю коротки и отдав обратно планшет, обхожу женщину, направляюсь в детское отделение.

Там мой сын, частичка Милаши, моей девочки!

– Не придёт, – повторяю тихо.

В преждевременных родах Милы, виноват я! Она всё слышала, слышала мой разговор с Алиной! Чёртова дрянь! Подняла всех на уши, не смогла дозвониться до меня, подняла шум! По среди ночи в дверь позвонили, на пороге оказался мой начальник охраны, обрисовал ситуацию.

Нельзя было разговаривать в квартире! Почему-то решил, что Мила не проснётся! А она проснулась! Теперь она знает, что Алина никакая не сестра, а законная жена, знает, что обманывал её, и поэтому не придёт.

Может оно и к лучшему, вытравит из сердца раз и навсегда!

– Сын! – летит в спину голос матери.

Приехала!

– Ты что сотворил, а?! – тут же накидывается, – что ты опять сделал не так? Что с моим внуком? – летят вопросы.

Догоняет быстро, громко цокая высокими каблуками по мраморному полу. Видеть её не хочу! Во всех бедах нашей семьи виновата она!

– Я с кем разговариваю?! – хватает за ворот футболки, дёргает назад.

– Не трогай меня сейчас, – рычу в искажённое злобой лицо.

Отшатывается, смотрит округлившимися глазами, уж не знаю, что она увидела на моём лице или же во взгляде, но мать замолкает.

Пока мать приходит в себя, разворачиваюсь и двигаюсь дальше, хочу увидеть свою кроху.

Уже заходя в широкие двери с надписью «Детское отделение», как звук цоканья вновь разносится по коридору.

Подхожу к огромному стеклянному окну, нахожу взглядом единственный кувез с малышом, смотрю на кроху, к телу которого идут несколько трубок, и кислородная маска на всё личико.

– О боже, – шепчет мать, догнала, – что у вас случилось, Павел, ответь мне, сын! – прохладными пальцами касается моего плеча.

– Мила случайно подслушала мой разговор с Алиной, случились преждевременные роды, – бросаю ответ.

Рассказывать ей подробно, нет желания, перед глазами сразу появляется Мила на полу и кровь на её бёдрах.

– Ну почему ты у меня такой неосмотрительный? Совершаешь ошибку за ошибкой! – стонет родительница.

Губы дёргаются в ухмылке.

– Что с моим внуком? – так же, как и я, смотрит на един-

ственного ребёнка в этой комнате.

– А ты не видишь? – поворачиваю голову в её сторону, – он не дышит сам.

Глава4

МИЛАНА

Громкий звук падения чего-то звонкого, тихое ругательство, и наконец у меня получается открыть глаза, выбраться из тягучий пучины темноты, что не отпускала меня несколько раз. Даже глаза не получалось открыть, вновь впадала в тревожный сон.

Мне снился Паша, девочка на его руках, которую больше полгода я считала его племянницей, там была и Алина, она обнимала Пашу, смотрела на меня и улыбалась, только улыбка была не доброй, жутко злой. Я смотрела на Пашу и не видела в его глазах и капли любви к себе, только обман.

– Ой, извините, я не хотела вас разбудить, – раздаётся сбоку молодой женский голос.

Повернув голову, увидела девушку в белом халате, в руках железный поднос, наверное, он и упал, создав тот звенящий звук.

– Вы как себя чувствуете? Боли есть? – участливо задаёт вопросы, подходит ближе.

Прислушиваюсь к себе, боль есть, но очень слабая.

– Чуть-чуть болит, – голос такой хриплый, во рту всё пересохло, – пить хочу, – говорю медсестре, – где мой малыш, с ним всё хорошо?

Глаза девушки странно забежали, резко наклонилась, под-

няла с пола, какой-то предмет.

– Я сейчас Елену Эдуардовну позову, она вам всё расскажет, а я заодно попить принесу, подождите немного, – говорит девушка и торопливо покидает палату.

Обвожу взглядом палату, довольно просторная, кровать только моя, в углу стоит прозрачная высокая люлька на колёсиках, она явно для младенцев. Но моего малыша в ней нет. В груди заворочалась тревога, ещё и медсестра повела себя странно. Неужели так трудно ответить, или же она просто не знает? Боженька, пусть с моим малышом всё будет хорошо, больше мне ничего не надо, только мой малыш!

Как теперь быть дальше? Никак! Нужно забирать малыша и уезжать домой, к родителям, туда, где никогда не предадут, где любят и ждут.

– Проснулась, очень хорошо, – в палату заходит Елена Эдуардовна, следом и медсестра со стаканом воды, – Юля, пару глотков, больше пока нельзя, – оборачивается доктор к девушке.

Девушка только кивнула, и подойдя к кровати, помогла сделать разрешённые пару глотков.

– Елена Эдуардовна..., – зову доктора, но она поднимает руку вверх, призывает замолчать.

– Значит так, Милана, роды были преждевременными, очень стремительными, крови ты потеряла очень много, мы делали всё, чтобы спасти вас, – поворачивается к стоящей чуть в стороне Юли, кивает ей, после чего медсестра отходит

к столику, начинает распаковывать шприц, не знаю почему, но я пристально слежу за каждым движением девушки.

Слова Елены Эдуардовны мне совсем не нравятся, и тон такой холодный, она со мной ещё так не разговаривала.

– Что с моим малышом? – задаю вопрос врачу, вот только так и не могу оторвать от Юли глаз, она уже набирает лекарство из нескольких ампул в один шприц.

Волнение зашкаливает, в ушах появляется звон, я чувствую, что мне хотят сообщить что-то плохое, то, после чего моя жизнь перестанет существовать.

– Елена Эдуардовна, да скажите же вы! Что с моим малышом, где мой сын?! – поддаюсь вперёд, и тут же низ живота простреливает острой болью, – мммм, – срывается с губ.

– Юля, уколи её, – даёт распоряжение женщина.

Юля тут же появляется рядом, берёт за руку, кладёт вдоль моего тела, и открыв катетер, который я до этого и не заметила, вводит через него лекарство.

– Это обезболивающее и успокоительное, сейчас вам станет легче, – лепечет Юля.

– Зачем успокоительное? Елена Эдуардовна, – на глаза наворачиваются слёзы.

Почему она молчит? Почему не говорит, что с моим сыном?

– Милана, поймите, мы не боги, всего не можем, конечно, мы делали всё что в наших силах, но к сожалению...

Громкий стук по стеклянной двери, что заставляет

вздрыгнуть всех присутствующих, а следом в палате появляется высокий мужчина.

– Добрый день, Елена Эдуардовна, – басистым голосом заговорил мужчина.

– Вы кто, и как вас сюда пропустили? Это палата интенсивной терапии, и сюда запрещено посторонним! Покиньте помещение! – накидывается на мужчину.

Вот только он и шага не делает за порог, его уголки губ подрагивают, он смотрит на моего врача, как дитя малого, хотя сам очень молод. На вид ему и тридцати нет.

– Здравствуйте Милана Игоревна, – неожиданно переводит взгляд на меня, обращается, зная моё имя и отчества, – как ваше самочувствие?

– Так, покиньте палату! – не даёт мне ответить, вновь набрасывается на мужчину, только теперь с яростью, даже за руку его схватила, чтобы выпроводить.

– Обязательно, но для начала, я хочу знать о состоянии Миланы Игоревны и её сына, что сейчас находится в детском отделении, – произносит мужчина, и своими словами выбивает слёзы из глаз.

С моим сыночком всё хорошо!

– Вам привет от Иннокентия Леонидовича, – продолжает мужчина, – он просит передать, чтобы вы не шалили, иначе добром для вас это не закончится.

Елена Эдуардовна от слов незнакомца бледнеет, резко повернув голову в мою сторону, обдаёт меня ледяным взгля-

дом, после чего чуть не бегом покидает палату. Что это ней?

– Так как вы себя чувствуете? – проводив убегающую женщину взглядом, произносит вопрос мужчина, – всё хорошо, Милана Игоревна?

– Откуда вы меня знаете? – отвечаю вопросом на вопрос.

Я не знаю этого мужчину, даже не видела ни разу, а вот он знает меня, но на врача он не похож, и работает не здесь, а ещё реакция Елены Эдуардовны на имя какого-то Иннокентия, ничего не понимаю, и это пугает.

– Я и не знаю вас, Милана Игоревна, первый раз сегодня вижу, и до сегодняшнего дня даже не знал о вашем существовании, сейчас будем знакомиться, – подходит к железному стулу, что стоит в углу палаты, берёт его, и сделав несколько широких шагов к моей кровати, присаживается на него верхом, ловко расстегнув две пуговицы на пиджаке, распахнув его палы, – оставите нас одних, – говорит он медсестре, что как истукан стоит всё на том же месте.

Меня его ответ ещё больше напрягает! Появляется чувства обмана со стороны мужчины. Вот только зачем, и кто он?

– И так, – начинает говорить, как только дверь за Юлей закрывается, – меня зовут Эрик, отчество даже говорить не буду, оно вам не за чем, до сегодняшнего дня, я являлся помощником Иннокентия Леонидовича, понимаю, имя моего бывшего шефа вам не о чём не говорит. Он является очень хорошим другом одного человека, который попросил при-

смотреть за вами, помочь, на тот случай если вы окажетесь в сложном положении. Сегодня я поменял место работы, да к тому же и саму работу, – не сводя с меня взгляда говорит мужчина, – я буду находиться рядом с вами, помогать освоиться в новом для вас мире, а также защищать от таких вот, как Елена Эдуардовна, – кивает в сторону закрытой двери.

Проследив взглядом за кивком мужчины, совершенно не ожидала увидеть того, кто стоит и смотрит на меня через стеклянную дверь! Непроизвольно закрываю глаза, зажимаю их крепко.

Больно! Очень! В груди начинает печь. Видеть его не хочу, зачем пришёл?

– О, какие гости, – раздаётся насмешливое от Эрика, – а вот этому товарищу, вход в это палату закрыт, ему даже приближаться к вам запрещено.

Резко открываю глаза на слова мужчины, смотрю на него, он сейчас серьёзно?! Паше нельзя ко мне приближаться? Кто ему запретил? Алина?

– Не волнуйтесь, Милана Игоревна, он больше не опасен для вас, – продолжает вводить меня в ещё больший шок.

Я так и не поняла, кто он и что здесь делает, наверное, моя голова ещё не соображает, меня ещё не отпустило полностью после непонятного молчания на мои вопросы от Елены Эдуардовны! И что значить «а также защищать от таких вот, как Елена Эдуардовна»? И чем Паша для меня больше не опасен?

– Я не понимаю, – произношу вслух, качаю головой.

– К сожалению вы оказались втянуты в очень грязную игру своего возлюбленного и его матери, – поворачивает голову в сторону двери, смотрит на Пашу, который продолжает смотреть на меня, в его взгляде не просто тьма, там бездна, ужасная и голодная.

– Какой план? – не отводя глаз от отца моего сына, спрашиваю мужчину.

– Сегодня у вас должны были забрать сына, а вам сказать, что он умер.

Глава 5

ПАВЕЛ

– Как не дышит, почему? – хватается за голову мать, какая бы она не была стервой и падкая на деньги, детей она любит, и искренне переживает.

Когда Лизи с Викторией болеют, она всегда приезжает в мой дом, помогает с внучками, терпит Алину, как бабушка она превосходный человек, в остальном же, монстр.

– У него спонтанные приступы остановки дыхания, такое часто бывает у недоношенных деток, нашего с Милой сына это тоже коснулось, – прикрываю глаза.

Меня бомбит изнутри, хочется разорвать всю грудную клетку в клочья, только бы не испытывать этой агонии.

– Боже, но это же излечимо? Он поправится?

– Поправится, как только он достигнет нужного срока, – говорю то, что мне сказал детский доктор.

Приступ у малыша случился практически сразу после рождения, поэтому вовремя диагностировали заболевание.

– Так получается, мы не можем его сейчас забрать домой?

– Нет! Ты только об этом думаешь? Натерпится выслужиться перед дедом? – рычу на женщину.

– Причём здесь твой дед? Я о мальчике беспокоюсь, кто за ним здесь будет ухаживать? Вот эти? – кивает на двух молодых медсестёр, которые находятся в палате с сыном.

– Они специалисты своего дела! Они не просто так здесь находятся, не неси чушь! Тебе просто хочется поскорее прикарманить всё наследство Кристиана! А ты не забыла, что тебе ещё с Алиной вопрос решать? Она, если ты помнишь, ещё не в курсе, что скоро будет нянчиться с чужим для неё ребёнком? Она его может и не принять, ты не забыла о козыре в её руках? – смотрю на мать с ехидной улыбкой.

– Примет! – шипит в ответ, – у неё не будет выбора, она не дура, сынок, она ничуть не меркантильнее меня! Будет ей уроком, как детей убивать! Это по её вине мы вляпались в кучу дерьма! А выход пришлось искать мне, да если бы не я, то всё бы рухнуло!

– Выход?! Какой выход, ты искала? Я познакомился с Милой не благодаря тебе! И забеременела она раньше, чем дед выкинул свой финт!

– Да, так и есть, но кто продумал весь план, кто подбил тебя на такой шаг? Я, сыночка, я! – мгновенно превратилась в фурию.

– Да если бы не ты! То моя жизнь сложилась бы совершенно по-другому! И сейчас бы не было всего вот этого, и мой ребёнок бы не родился на два месяца раньше, и не умер бы для своей матери, а мне бы не пришлось терять любимую! – не сдерживаюсь, гремлю на весь коридор, чем привлекая внимание медперсонала, одна из них стучит нам в стеклянную стену, смотрит укоризненно.

– Идём, мне нужно пообщаться с Леной, надо договорить-

ся о хорошем наблюдении моего внука, кстати ты придумал имя для сына?

– Миша, именно так хотела назвать нашего ребёнка Мила, – голос звучит убито, в горле ком встал.

Она будет оплакивать нашего малыша, шептать его имя, и никогда не увидит его личика, не возьмёт на руки крошечное тельце, не поцелует! На что я обрёк тебя, любимая?!

– Хорошее имя, менять не будем, пусть хоть что-то у него будет от матери, – отводит взгляд в сторону.

Как же я хочу тебя задушить!

Смотрю на сына несколько секунд, мысленно обещаю скоро прийти, и развернувшись, следую за матерью. Нам действительно нужно поговорить с Еленой, к тому же письмо для Милы ещё лежит в моём кармане, его нужно передать врачихе, она та и отдаст его Миле.

– Елены Эдуардовны нет, она на обходе, – поднимаясь из-за стойки секретера, говорит девушка, останавливая нас у порога кабинета Елены.

– Мы подождём, сделайте нам кофе, – произносит мама, и открыв дверь кабинета врача, переступает порог.

– Подождите, в кабинет нельзя! – кричит матери в спину.

– Нам можно, мы ждём кофе, Павел, – кивает головой в глубь кабинета, взглядом требует, чтобы я зашёл.

Послав девушке извиняющийся взгляд, захожу вслед за матерью, прикрываю дверь. Мать бросив сумочку на кожаный диванчик, проходит до кресла во главе стола, присажив-

вається за него, откидывается на спинку.

– А не много ли вольностей? Это чужой кабинет, – оглядываюсь вокруг, всё в темных тонах, словно отражает душу хозяйки, такая же чёрная.

– За те деньги, что она получила и ещё получит, она мне ещё ноги должна будет целовать, – отмахивается родительница.

Покачав головой, прохожу до диванчика, присаживаюсь, откидываюсь на спинку, запрокидываю голову. Перед глазами тут же появляется образ моей любимой девочки, там на полу, в нашей квартире! Она наша, точнее была, теперь Милы там на будет, и я туда больше не верность, не смогу там находиться!

Вспоминаю все наши дни, все наши ночи, день, когда она сообщила о беременности, её смех, радость в глазах! Надеюсь, когда-нибудь её глаза будут сиять таким же счастьем, каким сияли до сегодняшней ночи! Она должна быть счастлива, должна!

В кармане пиликает телефон, нехотя достаю его, провожу пальцем по экрану, снимаю блокировку, и стоит увидеть имя отправителя сообщения, как тут же резко поднимаюсь на ноги, а вот когда открываю и вчитываюсь всего в одну строку, леденею изнутри.

– Паш? Ты чего, что там тебе пришло? – раздаётся взволнованный голос матери, но отвечать мне не приходится, в кабинет врывается Елена с диким ужасом на лице.

– Я больше не участвую в ваших играх, забирайте деньги, и убирайтесь отсюда, живо!

– Что! – пронзительно вскрикивает мать, но её крик в моих ушах звучит, что через толщу воды.

Перед глазами двоиться строка из сообщения, «Решил обыграть меня, Пашок, не выйдет, запомни, я всегда на шаг впереди», гласит сообщение. И это «Пашок», говорит о том, что дед в гневе.

– Что слышала! Я не собираюсь лишаться всего, что у меня есть, ради вашей авантюры!

– Да объясни ты в чём дело?

– Дед всё знает, – отвечаю вместо Елены, на вопрос матери.

Как? Как он всё прознал? Где мы допустили ошибку? Что теперь делать? Он же заберёт её и сына!

– Что?! Что ты сказал? Паша! – шепчет помертвевшим голосом.

– Что слышала, Рая! Твой свёкор в курсе всех дел! Боже, зачем я только согласилась тебе помочь? Дура! Легких денег захотела! А теперь буду разгребать всё то дерьмо, в котором ты сама по уши погрязла, и меня утянула! – сокрушается докторша, пока мы с матерью пребываем в полном шоке.

– Нет, этого не может быть, нет, я не верю! Что, что произошло? – пальцами пронизывает свои собранные в элегантную причёску волосы, сжимает их в кулаки у корней.

– Что произошло? – шипит Елена, – так я тебе сейчас

скажу! Рядом с твоей Миланой сейчас находится посланный Иннокентием человек, он очень чётко дал понять, что наша игра завершена, и чтобы я больше не смела делать что-либо в сторону вашей девки!

– Иннокентий?! – пищит мать.

– Что значит «рядом»?! – делаю резкий шаг в сторону врачихи.

– То и значит! – рывкает в ответ и повторяет жест матери с волосами.

Крутанувшись на месте, вылетаю из кабинета под крик матери, чтобы я остановился! Не слушаю, несусь к палате Миланы, в голове каша и только одна мысль выделяется. Нельзя позволить деду забрать её! пока бегу по коридору слышу звук нового сообщения, резко торможу, вскидываю руку с телефоном к лицу, читаю новое послание.

«Не советую приближаться к девушке, иначе, твоя мать отправится в места не столь отдалённые, за ней слишком много грешков.»

– Сука! – ору, швыряя телефон об стену.

Идиот! Какой же я идиот! Мог же догадаться! Забыл ты Паша, какой твой дед продуман! Он давно знает о всех грязных играх своей снохи! Всё было зря!

Порывисто наклоняюсь за остатками от телефона, запикиваю в карман самую главную часть, мелкие осколки не собираю, уборщицы уберут. На негнувшихся ногах дохожу до палаты Милы, застываю перед стеклянной дверью, смотрю

на свою любимую, и внутренне ощущаю, как теряю связывающую нас нить.

Рядом с ней Эрик, так вот кого прислал Иннокентий! Этот и на шаг не отойдёт от своей хозяйки, а в том, что Мила теперь его хозяйка, я не сомневаюсь! Верный пёс, детдомовский парнишка, которого в юности подобрал лучший друг деда, приютил, вырастил под себя, а тот делает всё, что ему прикажут!

Ловлю взгляд Милы и чуть не задыхаюсь. Сколько там боли и ненависти... заслужил, другого и не ожидал, сам всё разрушил.

Успела Елена сообщить Милане о фальшивой смерти нашего сына? Нет! Иначе бы она сейчас выглядела бы в тысячу раз хуже того, как выглядит в данный момент. Скорее всего Эрик помешал. Но это не значит, что вся правда не дойдёт до малышки, дед ей всё расскажет, или же это сделает Эрик.

Прости меня, девочка, за всё прости! Я обещаю, я вытащу тебя и сына из лап Кристиана, не дам ему распоряжаться твоей жизнью, не позволю выдать замуж, словно товар на рынке!

Эрик о чём-то говорит Милане, мне совершенно не слышно, звукоизоляция стоит хорошая! Мила отвечает, но неожиданно вздрагивает на следующие слова Рика, глазки любимой округляются, в них в секунду появляется леденящий душу ужас и неверие, она смотрит на Эрика, зажмуривается, качает головой, съёживается, я чётко вижу, как её тело охва-

тывает дрожь.

Что этот сукин сын ей сказал?! Чем так напугал мою девочку?! Плюнув на предупреждения деда, хватаюсь за ручку двери, рывком открываю ей, но в палаты зайти не успеваю, на меня обрушивается звук рыдания Милы.

– За что они так со мной? Зачем им мой мальчик?! – закрыв лицо ладошками плачет Мила.

– Тише Милана, вы и ваш сын теперь в безопасности, все подробности вам расскажет Кристиан, это дед Павла, теперь вы под его защитой, – произносит Эрик, смотря в мою сторону с осуждением во взгляде.

Главаб

МИЛАНА

Шок, неверие, но всё это длится буквально мгновение, с меня окончательно слетают розовые очки, которые на меня надел Паша. Теперь становится всё понятно, особенно поведение Елены Эдуардовны! Она собиралась..., собиралась сообщить ужасную ложь о моём сыночке! Как, как так можно?! Она же доктор, человек давший клятву Гиппократу – спасать людей, а в итоге она крадёт чужие судьбы, жизни! Я даже не представляю, что со мной бы было, услышь я о смерти своего сыночка! Наверное бы лишилась жизни, или же сошла с ума до конца своих дней!

Боль, страх, ненависть – сковывают грудную клетку, дышать трудно. Не стыдясь Эрика, вступаю в истерику, реву, выплёскивая всё, что скопилось за последние сутки.

Ещё вчера утром я была самой счастливой, у меня был любимый человек, я мечтала стать его женой, тихо, наедине сама собой, рассматривала пышные белые платья в интернете и представляла день, когда надену одно из них. Думала о том, как мы будем воспитывать нашего сыночка, а оказалось...

Почти полтора года обмана, нет, это даже не обман, это жестокая ложь! Меня использовали, грязно, пользовались моей искренней любовью, сделали любовницей – женщиной,

что крадёт чужое счастье! Он так клялся в любви при этом имея жену и двух детей, и всё для чего?

– За что они так, со мной? Зачем им мой мальчик?! – прижимаю ладони к лицу.

Как же я хочу получить на всё ответ!

– Тише Милана, – чужая рука касается моего плеча, – вы и ваш сын теперь в безопасности, все подробности вам расскажет Кристиан, это дед Павла, теперь вы под его защитой, – говорит мужчина, но его слова не успокаивают.

Под защитой?! Нет! Такая защита мне не нужна! Теперь зная, как хотел поступить Паша, я не за что не подпущу их семейку к моему сыну! Уеду к родителям, как только нас выпишут!

– Мила, – остриём кинжала по сердцу звучит мужской голос, открываю глаза, – всё не так...

– Тебе лучше выйти, – перебивает, резко поднимается на ноги Эрик, встаёт перед отцом моего сыночка, перекрывает ему проход.

Смотрю на лицемерного подонка и практически задыхаюсь от его взгляда! Не верю! Не верю больше тому, что вижу в его тёмных глазах! Сожаление, раскаяние, боль, любовь! Как же я не видела этой лжи раньше? Слепая дура! Прав папа! Я наивная, доверчивая, и совершенно не разбирающаяся в людях, не вижу их настоящих лиц! Но не теперь! Я словно прозрела и вижу всю черноту, что окружает меня!

– Оставь нас, Эрик, – рычит Павел, но с места не двига-

ется, он через плечо моего защитника продолжает смотреть на меня.

Отвожу взгляд, это слишком, не могу больше смотреть на него, слышать его голос, чувствовать его присутствие, ощущать его запах туалетной воды! Теперь любимый запах ощущается иначе, тошнотворная вонь забивает нос, к горлу подступила желчь. Зажимаю рот ладонью, затаиваю дыхание, пытаюсь унять тошноту.

– Исключено, ты разве ещё не получил от Кристиана приказ не приближаться к Милане? – произносит Эрик, – получил, по взгляду вижу, так что убирайся, и больше не приходи, иначе мне придётся....

– Оставь нас! – взрывается Павел, его ор прокатывается вибрацией по стенам.

– Нет, Паш, даже не надейся, я не оставлю Милану наедине с тобой, – совершенно спокойным голосом отвечает Эрик.

– Ты кем себя возомнил? – продолжает кричать лжец, – ты всего лишь прихвостень Иннокентия, и не имеешь право стоять между мной и моей любимой женщиной!

– Замолчи! – выдавливаю через ком тошноты, – замолчи....

– Мила, девочка моя, выслушай меня, прошу! Я расскажу тебе всю правду, только поверь мне, родная, я люблю тебя! Люблю, слышишь?!

– Нет! Нет! – зажимаю уши, остервенело качаю головой. Что он делает?! Зачем продолжает рвать мою душу и серд-

це, там и так нет и единого целого кусочка!

– Довольно! – раскатом грома раздаётся голос Эрика, – ты совсем краёв не видишь, хочешь добить её окончательно? Грош цена твоей любви, Павел! Я запрещаю тебе приближаться к Милане! Покинь палату, Павел, иначе я помогу тебе это сделать!

– Да кто ты такой, чтобы запрещать мне к ней подходить?! Она моя! И я не позволю вам её забрать! – горланит в ответ.

– Поздно, она уже не твоя, давно не твоя, и я имею полное право запрещать тебе приближаться..., к моей невесте!

Слова Эрика словно снежный ком на голову, даже кожа начинает покалывать, словно от прикосновения мелких, ледяных снежинок! Звонящая тишина, что образовалось с последним словом «НЕВЕСТА», оглушает, давит на перепонки, доставляя дискомфорт.

– Повтори! – гортанный рык Паши нарушает тишину, вздрагиваю и тут же низ живота пронзает болью.

Кое-как сдерживаю стон.

– Ты всё прекрасно слышал, – отвечает Эрик.

Лицо Павла искажается гримасой лютой злобы, цвет его глаз изменяется до небывалого оттенка, они словно кровь наливаются, становятся дьявольскими, витки вен на шеи и лбу увеличились. Ещё чуть-чуть и он бросится на Эрика, но этого не происходит! Павел медленно перевёл на меня взгляд, прикрыл глаза всего на секунду и развернувшись, широким шагом выскочил из палаты.

– Идиот! – тихо бросил мужчина исчезнувшему в коридоре Павлу, – ты как? – обернувшись ко мне лицом, смотрит пристально.

В ответ только качаю головой, не могу описать то, как чувствую себя, во мне столько всего, что не разобрать.

– Эрик, вы же пошутили про невесту? – спрашиваю с надеждой.

Я не знаю, чего ещё можно ожидать от этих людей!

– Нет, – в добавок отрицательно покачивает головой, – как бы дико для вас это не звучало, но вы, Милана, действительно моя невеста, – ни капли, не меняясь в лице, говорит мужчина, медленно подходя к стулу, присаживаясь на него обратно.

– Что? – ошарашено смотрю на несущего полную чушь мужчину.

– Это ради же вашей и вашего сына безопасности, я конечно не должен был сообщать такую новость сам, это должен был сделать Кристиан, в более удобной обстановки, как-то подготовить вас, но обстоятельства вынудили, – делает глубокий вдох, в то время, как я, неотрывно смотрю на совершенно чужого человека и слушая его, молюсь, чтобы всё оказалось чудовищным сном!

Это сон! Точно сон! В жизни такого не бывает!

– Дело в том, что ваш сын является наследником очень огромного состояния, которым сейчас владеет Кристиан. К сожалению, его здоровье подкосил один инцидент, выкараб-

кается он или нет, никто не знает, врачи не дают никаких гарантий. Милана, прекратите себя щипать, зачем вы это делаете?

– Я хочу проснуться, это сон, плохой, страшный сон! – бормочу в ответ и слёзы новым потоком из глаз, когда понимаю, что ощущаю боль на коже запястья, а дурной сон не уходит.

– Вы не спите, Мила, – сочувственно произносит Эрик, – к сожалению всё реально, не стоит причинять себе ещё большую боль, – огромной ладонью накрывает мои руки, не позволяет больше царапать нежную кожу, – как только вас выпишут, начнётся подготовка к нашей с вами свадьбе. Кристиан не отпустит своего наследника, и матери лишать его не будет, но так как ребёнок ещё слишком мал, кому-то нужно управлять всем имеющим бизнесом, что есть у Кристиана. Павел наломал слишком много дров, ему не видать и копейки из того, что теперь принадлежит наследнику. Но и вы управлять всем не сможете, потому что не знаете, что и как, вы просто не справитесь, вас сожрут и забудут, отнимут всё, до последнего гроша. Кристиан, как только узнал, что вы носите под сердцем мальчика, стал готовится к его появлению, но тогда он узнал ещё и о планах своей снохи и внука и ему пришлось кардинально менять план действий. Если бы Павел пришёл и честно сознался, что завёл женщину на стороне и она ждёт от него сына, то конечно же он и был бы вашим мужем, развёлся бы с первой женой и всё, но влезла

Раиса Федотовна и предложила просто забрать у вас ребёнка, и воспитывать его с Алиной, на что Павел согласился, — режет словами что канцелярским ножом, оставляя тонкие, глубокие и долго заживающие раны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.